

Персона

К этому возрасту наш герой подошёл с большим жизненным опытом, солидными профессиональными заслугами и «вкусной» самоиронией, которую, боясь утонуть в пафосе, холил и лелеял. Он профессионал высочайшего класса: именно Хейловского в своё время коллектив коллег выбрал в председатели Челябинского областного телевидения. Его репортажи и авторские программы смотрели целыми коллективами: и суть явления понять, и над фирменными хохмочками Андрея Леонидовича посмеяться. Андрею Хейловскому выпала почётная миссия открыть первый эфир Магнитогорской телерадиокомпании после того, как её, когда-то упрямую, снова удалось возродить, и это тоже весомый реверанс от коллег.

Герои его сюжетов, не в силах противостоят обаянию Хейловского, раскрываются перед ним так, как их порой не знают даже жёны и дети. В числе его друзей – самые известные и влиятельные люди нашего города, но потому они и числятся по сей день в друзьях, что никогда Хейловский не пользовался дружбой в корыстных целях. На стене в кабинете фотографии журналиста с Александром Ширвиндтом и Михаилом Державиным, Аркадием Вольским и Виктором Христенко, Виктором Рашниковым.

При встрече Андрей Леонидович немного напряжён – сломал ребро на волейболе, тренировки по которому регулярно посещает вместе с соратниками. Волейболом занимается всю жизнь: окончил спортивную школу, играл во всех возможных турнирах – за детей, юношей, профессиональные коллективы, а потом – шутит: «За всех, кто позовёт». Имеет «фирменную» травму – выбитый мизинец. Смеётся: «С 14 лет играю за деньги: сначала платили мне, чтобы выиграл, теперь сам приплачиваю, лишь бы взяли».

Казачье-еврейские корни

Он яркий представитель старого, богемного поколения журналистов, не обременённых интернетными скоростями и заточенных больше на аналитику, чем на информативность. Они говорят красивым слогом, приправленным перцем подтекста, неторопливы в речах и очень внимательны к тому, «...как наше слово отзовется». А ещё образованны и начитанны, имеют широкий кругозор и достаточно такта, чтобы не кичиться этим. Завтра, третьего октября, нашему герою исполнится 70 лет. Хейловский смеётся: лет своих не чувствую. Тут, кстати, не соглашусь: главная примета возраста – мудрость и благодарность всем, кому обязан за то, кем ты стал. И этого у Андрея Леонидовича хоть отбавляй: только и следи, чтобы, вспомнив учителя, коллегу или друга, не отвлекся историями из его жизни.

Нет, с «богемой» себя не ассоциирую, – начинаем разговор. – Ну, может, в зрелости, когда перешёл к самостоятельному творчеству, было такое, а в начале карьеры прошёл все положенные круги профессионального ада – корреспондент, работа с колёс, заводские отделом промышленности... И знаешь, очень благодарен за такую школу жизни.

Впрочем, школа жизни его началась гораздо раньше. Как, собственно, у любого выходца из еврейской семьи, рождённого в годы махрового антисемитизма.

– Кстати, еврей я только по папе, а мама – потомственная казачка, дочка Матрёны Филипповны, – улыбается Андрей Хейловский. – Её отец был богатейшим человеком

Андрей Хейловский: известный и неизвестный

Один из самых именитых тележурналистов Магнитогорска завтра отметит семидесятилетие

© Дмитрий Рухмалёв

в Чесменском районе: сто десятин земли и одиннадцать детей, мама самая младшая. Дед сам обрабатывал землю и возил зерно на ярмарку в Троицк. Уникальный, конечно: крепкий, он прошёл три войны – японскую, германскую, гражданскую, брал на ярмарках призы за джигитовку, содержал семью так, что жена – моя бабушка – ходила в соболях и не знала счёта мужнине стаду скота. Если бы не революция и раскулачивание, у детей судьба сложилась бы иначе. Но в 1929-м, когда родилась мама, дед приехал на гору Магнитную, вырыл землянку, перевёз туда семью и всю жизнь работал на лошади – возил руду. Ну, не расстреляли – и то ладно, все выжили.

Корни по отцовской линии Андрея Леонидовича уходят в Минск, где в местном институте – ныне БГУ – дедушка Давид был профессором биологии, а бабушка Полина Исаковна преподавала философию. Дед погиб сразу после начала войны – в ополчении при рытье окопов его накрыла первая же бомба. Отцу Андрея Хейловского было тогда 14, и бабушка буквально под пулями увезла его от фашистов в далёкую Магнитку. В чемоданах вместо еды и тёплых вещей она везла четыре тома сочинений Брема.

– Она была ярая коммунистка, в детстве мне вместо сказок читала Энгельса, Маркса, – рассказывает наш юбиляр. – С детства запомнил фамилию жены Маркса – Жени фон Вестфален. Будучи в Дюссельдорфе в 90-х, на берегу Рейна сделал стендап – вот, мол, она, столица марксизма (смеётся). В Магнитке бабушка устроила отца в ремесленное училище, куда воспитателем устроилась и сама. После папа поступил в техникум профтехобразования, стал комсоргом, потом его забрали в райком.

К моменту встречи с мамой он был уже первым секретарём Кировского райкома комсомола. Встретив

прекрасную блондинку на пляже Зеленострой, что за Гортеатром, влюбился моментально. И пришёл знакомиться к будущей теще.

– Баба Мотя рассказывала: «Зашёл высокий, чёрный, в кожаном плаще, сел под образа – «анчихрист», – смеётся Андрей Леонидович. – Потом его «закинули» политруком на Дальний Восток, и меня, полугодовалого, повезли через всю страну в военный городок, где по холмам скакали дикие лошади. Через пять лет отец поступил в военно-педагогический институт в Ленинграде, мы переехали в таможню коммуналку, где я, такой же дикий, как те лошади, перекусал всех детей (смеётся). Через год я «собрал» все возможные детские болезни, мама страшно испугалась и заставила отца демобилизоваться – мы вернулись в Магнитогорск. Папа пошёл в третий листопрокат механиком и всю жизнь работал на ММК: был начальником техотдела, партгоргом, принимал в партию Алексея Потаповича Литовченко – в будущем директора Челябинского меткомбината и первого секретаря обкома КПСС, а также легендарного Леонида Владимировича Радюкевича. Гениальный, он поражаел мастерством и стратегическим мышлением. Отец подошёл к нему как-то: «Хотите быть старшим мастером?» – «Не отказался бы», – отвечает Леонид Владимирович. – «Тогда в партию бы вступить, не я этот порядок придумал» (смеётся). А мама работала в отделе сбыта заводоуправления, была необыкновенной красавицей, участвовала в вечерах для интеллигенции. Они прекрасно жили с отцом, мама работала о папе, папа всю жизнь страшно её любил – у нас была прекрасная семья.

Выбить своё место

К моменту взросления Андрея Леонидовича антисемитизм, раз-

вёрнутый Сталиным на государственном уровне, конечно, уже исчез, но на бытовом – цвёл махровым цветом. Понятно, что, узнав о корнях папы и бабушки Поли, Андрей этого поначалу стеснялся.

– Годам к 15-ти перестал это делать, более того, даже гордился своей нацией, давшей миру великих учёных, музыкантов – Иисуса Христа, наконец, если вам мало Эйнштейна (хохочет). Потом у меня появились друзья-евреи, замечательные интеллигентные люди, общением с которыми наслаждаюсь по сей день, так что стало совсем хо-рошо.

Вернувшись из Ленинграда, Хейловские сначала жили у Полины Исаковны, потом отец получил квартиру, и они перебрались в собственное жильё. Но бабушки подарили мальчишке прекрасное детство, полное любви и ласки.

– Они дружили, не могли не говорить сутками, и я даже не могу сказать, о чём, учитывая, что баба Мотя расписывалась крестиком, а в анамнезе бабы Поли – преподавание в вузе, – разводит руками. – Одна была коммунисткой, вторая ходила в «церкву», называла меня вслед за

отцом «анчихристом» и «изорничком», а «изорничал» я много: тогда все ходили биться «квартал» на «квартал» – именно так тогда говорили. Лицо не успевало отходить от синяков, рёбра трещали, но, в отличие от нынешнего перелома рёбер, «интеллигентно» полученного на тренировке, тогда всё зарастало, как на собаке, за пару дней. Ещё школа жизни – пионерлагерь, куда меня отправляли на всё лето. Вот там драки – и кварталские, и отрядные – были просто лютыми. Пока соберёшь вокруг себя пацанов и получишь авторитет, отбивался яростно.

Что его вытаскило из возможного беспредела? – книги. Он уже сам не помнит, кто привил ему любовь к чтению – может, бабушка Поля, пока родители были заняты на работе, а может, и душевный порыв. Записался в детскую библиотеку – за полгода прочитал всё, что в ней было.

– Приходил с авоськой, брал с полки книг пять-шесть – неважно, каких, «проглатывал» их за неделю и шёл за новыми, – говорит Андрей Леонидович. – Потом пришёл во взрослую – а меня не берут, паспорта-то нет. Но у друга дома была уникальная библиотека – у меня глаза разбегались: Фенимор Купер, Жюль Верн, Дюма – и мне давали всё это читать, я был счастлив. Потом увлёкся поэзией: папа обожал Маяковского – правда, советского, я тоже полюбил его – но раннего. «Облако в штанах» наизусть, потом через футуризм «добрался» до Серебряного века – да так, что пропал: Сологуб, Бальмонт, Северянин... Представляешь, стихи писал – под Блока (улыбается).

Но – попал в математический класс школы № 4. Сразу понял: при всём уважении к царице наук – не его. Благо, учительницей была Людмила Арсентьевна Тулупова – тонкий педагог из династии

магнитогорских учёных, сразу же «прочитавшая» Хейловского: «Андрюша, вы собираетесь поступать в технический вуз?» – «Ни за что: журфак или литфакт». И, пока все на уроках увлечённо решали задачи из учебников МГУ и «Бауманки», он писал сценарии для школьного КВН, был капитаном команды – она, кстати, стала победителем. После Хейловского капитаном школьной КВН-команды стал Аркадий Чернов – долгие годы советник-референт Виктора Рашникова. Хейловский помогал ему писать новый сценарий – и они снова «взяли» победу.

Из профессии в армию и обратно

После школы он побоялся уезжать в столицу на журфак – поступил на литфак родного педагогического. За вступительное сочинение получил «четвёрку» от Ирины Петровой – все удивились: обычно выше «тройки» она не ставит. Понимая, что журналисту, по большому счёту, мало пригодится и древнерусский, и прочие «...не лепо ли ны бяшеть, братие» с «Нашествием Батюга на Рязань», Хейловский, как бы поздно ни заканчивался его день, в жару и мороз, рано утром или поздно вечером, приезжал на лекции Ирины Владимировны Петровой, Евы Лазаревны Лазовской и Инны Моисеевны Поляковой.

– Голос, стиль, умение подать предмет так, что все в него влюблялись... Если бы не они – думаю, сразу бы ушёл из института, за стенами которого жизнь куда как интереснее, – признаётся наш герой. – Ещё уважал языкознание, потому что вели его фронтовики – тот же Всеволод Антонович Сенкевич: командир разведроты, много раз ходивший за линию фронта.

На третьем курсе он пришёл устраиваться в «Магнитогорский металл». Прошёл конкурс, его приняли и велели переводиться на заочное отделение. Но, пока он оформлял документы, взяли на работу другого – прокатчика, который и комбинат знал как свои пять пальцев, и писал хорошо. Хейловский не обиделся – пошёл в армию, как того требовали правила заочного обучения. На службе пристрастился к дзюдо и самбо – служил в спортивной роте.

– Подходит мужик со сломанными ушами: «Самбо, дзюдо – участвовал?» – «Ни разу!» – «А в спортроту пойдёшь?» – «Пойду!» – смеётся Андрей Хейловский. – Почему позовали? Потому что высокий, здоровый. Год был «мешком», а потом что-то стало получаться – даже бронзовым призёром как-то стал – правда, там три человека в моём весе было (хохочет). Зато видел тренировки Хариса Юсупова – легендарного тренера самбо, дзюдо, борьбы, воспитавшего чемпионов мира, Европы, СССР и России, о его школе слышан даже Владимир Путин, а в Челябинске есть улица Юсупова.

Когда вернулся из армии, ему позвонил товарищ – кстати, тот самый, которого взяли в «Металл» вместо него – Георгий Тихонов, будущий главный редактор «Магнитогорского рабочего», ставший приятелем Хейловского: «На телевидении освободилось место, иди». Хейловского взяли – сначала на испытательный срок, потом и в штат. Так определилась дальнейшая судьба нашего героя, которая так богата, что в один рассказ не уместается. **Об остальном – в следующем номере.**

✍ Рита Давлетшина